

ЛЕКСИЧЕСКИ ОПУСТОШЕННОЕ СЛОВО ТАКОЙ И ЕГО КОМУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В РЕЧИ

И.А. Нагорный
(Белгород, Россия)

Рассматриваются трансформационно-семантические параметры слова ТАКОЙ в коммуникативной сфере, описываются его коммуникативно-прагматические функции.

Концептосфера индивида базируется на комплексе динамических параметров, среди которых *параметр субъективно-авторской квалификации события является одним из наиболее значимых. Облигаторным свойством любого смысла, в том числе субъективно-авторского, является информативность, причем информативность речевая, вбирающая в себя информативность языковую. Данный аспект должен быть, по возможности, ограничен сферой применения смыслов и приведен в систему незамкнутого типа [1, 31–35].

Речевые авторские смыслы являются смыслами сферы личностной квалификации события [2]. Реализация авторских смыслов в речевой сфере закономерна, так как именно данные смыслы являются тем семантическим центром, вокруг которого группируются другие, в первую очередь – объективно-констатационные, смыслы [3, 4]. Субъективно-авторские смыслы могут являться и общесобытийными смыслами, и смыслами локальными, актуализированными говорящим для решения конкретной коммуникативной задачи. Интересным в этом плане представляется рассмотрение параметров функционирования лексически опустошенного слова *такой*.

Функционально-прагматический подход к исследованию речевых процессов, вербализуемых языковыми элементами, – задача, несомненно, важная. В русле решения данной задачи слово *такой* представляет собой интереснейший образец полнозначного слова, изначально наделенного в языке богатыми семантическими потенциями, элемента, с которым в последние два десятилетия произошли серьезные смысловые и функциональные трансформации, в том числе применительно к возрастному критерию носителей языка.

Будучи исконно знаменательным, местоимение *такой* вплоть до конца 90-х годов прошлого столетия применялась в языке и устной разговорной речи сугубо для квалификации автором высказываемого в определительном аспекте. При этом атрибутивная или предикативная составляющая в слове превалировала над всеми другими семанτικο-прагматическими составляющими: *Это был такой милый, необыкновенный человек, которым все вокруг восхищались (Д. Донцова); Да, по всей видимости, план был такой (С. Снегов)*.

К началу XXI века в молодежной среде начал проявляться процесс трансформационного развития значения слова *такой*. Трансформация первичного значения, а затем появление нового, и, наконец, разделение активного лексико-грамматического потенциала слова *такой* получили свое развитие в том, что к настоящему времени мы имеем фактически два омонимичных языково-речевых эквивалента – знаменательное, «полновесное» местоимение *такой* с присущей ему атрибутивной или предикативной семантикой и семантически опустошенный звуковой эквивалент *такой* с частично нивелированным атрибутивным и развившимся выделительным значением. Если знаменательное слово *такой* – это стабильный элемент языковой системы с четко выраженной

лексико-грамматической и коммуникативно-прагматической статусной составляющей, то семантически опустошенный эквивалент *такой* – это совершенно новый по историческим меркам, сугубо речевой элемент, в различных речевых контекстах градуируемый как полностью или частично семантически трансформированный: – *Я такая ему говорю: «Приду». А он такой мне отвечает: «Зачем?» – Я такой ему говорю, что так делать нельзя, а он глазами хлопает*.

Трансформация семантики обнаруживает яркий диссонанс между логико-понятийным, структурно-модельным и семанτικο-прагматическим статусами компонента *такой* в нормированной языковой сфере и живой разговорной речи молодежи. В языке слово *такой* – это семантически и грамматически полновесный, нормированный, функционально стабильный элемент языка. В речи молодежи функции слова *такой* значительно расширены вплоть до полного нивелирования базовой семантической составляющей и появления фактически омонимичного звукового комплекса с оригинальными и только ему присущими коммуникативно-прагматическими свойствами. Актуализация этого сложного вопроса позволяет предположить, что подобные рассматриваемому новообразованию в русском языке являются общностью функциональной, прагматической.

В плане вышесказанного отметим, что у слова *такой*, с одной стороны, нивелирована значительная часть первоначального функционально-прагматического потенциала: снижена либо сведена к нулю степень констатационно-информативного воздействия на адресата, уменьшен либо отсутствует аспект донесения до адресата базового атрибутивного смысла. Атрибутивная или предикативная семантика исходного местоимения *такой* остается, таким образом, не актуализированной.

С другой стороны, слово-омоним *такой* приобретает возможность выполнять в речевом высказывании ряд важных коммуникативно-прагматических функций.

Во-первых, отметим функцию актуализации говорящим при помощи слова *такой* смыслов выделения, акцентивации авторского «я» (Ср.: *Я такая с ним разговариваю, а он – ноль внимания*). Автор в данном случае использует семантически опустошенное слово *такой* для донесения оценочного модусного смысла личной заинтересованности в происходящем до адресата.

С данной функцией тесно связана другая функция слова *такой* – ограничительно-сочетаемость. При выполнении данной функции семантически опустошенное слово *такой* приобретает возможность сочетаться лишь с личными местоимениями и собственными наименованиями субъектов, в то время как сочетаемость параметры омонима – знаменательного слова – значительно шире.

Третья весьма показательная функция – это употребление семантически опустошенного слова *такой* только в сфере активного диалога, в ситуации рассказа о

произошедших событиях, к которым говорящий имеет или имел прямое отношение (например, ситуация личного участия), или имеет эвиденциальное представление о данных событиях, проявляет заинтересованность в донесении оценочной информации об указанных событиях до адресата.

Отдельно стоит отметить функцию скрепа, характерную для семантически опустошенного слова *такой* в сфере речевой коммуникации. Выступая в роли скрепа, слово *такой* полностью теряет предикативную и дополнительно приобретает атрибутивно-акцентивационную составляющую своего значения: *Море зовет, луна поет, А мы такие зажигаем; А девчонки такие тут же отвечают: «Да мы скоро уйдем, не беспокойтесь».*

И наконец, в ряде случаев намеренное введение в речь семантически опустошенного компонента *такой* может трактоваться как желание говорящего причислить себя к избранной сфере, например, к сфере бомонда или гламура.

Однако необходимо отметить, что к настоящему времени уже частично утеряна составляющая «избранности» в семантико-прагматической сфере опустошенного слова *такой*, а само слово получило распространение в качестве элемента паузных связей, в некоторых случаях достигнув уровня речевых слов-паразитов. Данное явление, несомненно интересное, должно стать, как нам представляется, предметом самостоятельных изысканий в русистике.

Исследование коммуникативно-прагматических функций семантически опустошенного слова *такой* подводит к выводу относительно того, что данный речевой элемент является фиксатором точки зрения квалифицирующего субъекта в плане авторской акцентивации какого-либо из элементов описываемого высказыванием события. Таким образом, частичная семантическая опустошенность слова *такой* не является препятствием его функционирования как знака коммуникативно ориентированного, при помощи которого говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к коммуникативной ситуации в координатах «я – здесь – сейчас».

В плане детализации актуализированной проблемы необходимо вести речь и о степенях опустошенности служебного элемента, в частности слова *такой*. Крайняя степень семантической опустошенности представлена

тогда, когда указанное слово выполняет речевую функцию скрепа при заполнения пауз. В том случае, если данная функция превалирует над всеми остальными, слово *такой* уподобляется либо слоговым паузам, либо разного рода словам-паразитам. В иных случаях целесообразно вести речь лишь о частичной смысловой опустошенности слова *такой*, имея при этом в виду то, что функция замещения смыслового потенциала проявляет себя порой очень ярко в речевом коммуникативном акте.

Смыслы, вводимые подобными элементами, порой достаточно важны для процесса коммуникации, так как выражают авторскую позицию, доносят ее до адресата, что для речевого высказывания, в отличие от предложения, является определяющим. В речевых высказываниях с лексически опустошенным словом *такой* объективный и субъективный слои смысла сближены, представляют собой синтез двух единств. Объективные предложенческие смыслы при помощи описываемого слова «притягиваются» к модусу, используется говорящим для речевых нужд, в результате чего субъективные смыслы внедряются в диктум, усложняя его смысловую структуру. Семантически опустошенные компоненты как элементы модуса могут трансформировать семантические поля пропозитивно значимых элементов – предиката, актантов, сирконстантов.

Антропоцентрическая составляющая речевых высказываний с семантически опустошенными компонентами заставляет по-новому взглянуть на проблему частеречного подхода к изучению такого рода языковых элементов. Последние проявляют себя исключительно на уровне речевого высказывания, что позволяет говорить о наличии у них особой, прагматической семантики.

Актуализированные проблемы являются интересными для пристального внимания лингвистов, поскольку актуализируют одну из граней языковой прагматики в аспекте изучения степеней семантической опустошенности языкового элемента в разговорной речи. Последнее открывает перед исследователем достаточно обширные перспективы описания коммуникативно-прагматических функций языковых элементов в речевой сфере.

Литература

1. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.
2. Нагорный, И.А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц / И.А. Нагорный. – Барнаул: Издательство БГПУ. – 310 с.
3. Шмелева, Т.В. Семантический синтаксис / Т.В. Шмелева – Красноярск: Издательство КГУ, 1988. – 54 с.
4. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / под ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.